

ПОЛЗУЧАЯ АГРЕССИЯ

У цирка появился новый соперник. Конкуренция, как заверяют нас экономисты всех мастей, сулит невиданный взлет количественно и качественно прокрутки. Практика последовательности убеждает в ином: известно, что при улучшении характеристик потребителей все чаще сталкивается с эскадрией по несоответствующим ценам. И речь идет не только о материальных объектах.

Казалось бы, для чего театру загромождать арены? У

него есть своя сфера, на которую никак не посягают (пусть разве что политиканы, да и то, ставя бездумно, что параллельные мизансцены, тождество друг на друга калякая воды). И все же театры наперегонки рвутся в чужую область, посягая на соседние территории. Ах вот, что, что они впрямую заимствуют цирковые жары.

В столице, где по официальным, хопя и нечестным данным, существует около 500 (!) профессиональных групп и трупп, уподобление это осто-

бенно заметно. Давно пришла время классифицировать покушения и определить те области циркового искусства, на которые ведется по скрытому, то явное напущение.

Обозначением, изображением тигот при помощи изобразительных, что никак не может вызвать отклик у публики. Лишенная художественных открытий тема не только забавляет, но и начинает работать в обратном направлении - притупляет чувства, притупляет к мыслям о неизбежности репрессий (как раньше - победы коммунизма), о политической насилья. Впрочем, на Малой сцене того же театра поселеся. Но визитная карточка - сцена основная.

У МХАТа на Тверском бульваре - (ж) - ныне вышена на офшоре. Второй сезон подвора премьеры М.Булгакова. В прошлом году - "Кабаля святой" - в нынешнем - "Белая гвардия". Спектакли нет смысла доверять разбор - непрофессионализм постановщика бросается в глаза, действие распадается на отдельные картины, те - на разрозненные кусочки. Великолепная актриса Татьяна Дороницина в качестве организатора сценического мира предстает совершенно беспомощной, под видом почтения наследия Станиславского торжествует откровенная злость профессионализма. Если в театре Малого МХАТа опустимо то же некое стасовое единство, то здесь каждый из исполнителей выходит на сцену с собственным концепцией номер. Когда-то с "Дней Турбины" начинали творчество, ныне, после поклона мхатовцев, теперь истинно "про критиков" рассказана исключительно по причине разрешенности: никаких внутренних обоснований не существует. Остается лишь изгадываться, что Михаила Афанасьевича, рассказчик и разрабатывал уже повсюду, - теперь, наконец, оставит его в покое. А заодно и публику, которой предлагают восхищаться мизансценой, выдаваемой за сценические шедевры.

II. ЭКВИЛИБР

Группа едва ли не самая влиятельная - к ней относятся большинство так называемых академических театров (за какие заступит - перед искусством, или перед властями - они носят подобные звания, не столь важно). Здесь эквилибр двух сортов - эстетический и политический, но чаще смешанный. Образцом - Малый театр. Он и в былые годы, клясь традицией старшего русского театрального организма, славился веролопадательскими полотноми типа "Целый" по бестеллеру Гейсера или "Византизм" и "партизанской драме" "Византизм".

Тут в последние оставался, тяготея к власти, то же: неадекват и малоадекватное суждение на посту министра культуры одного из ведущих актеров - четкое тому свидетельство. Поэтому культивируется политический базилас, когда после спектакля о последних днях последнего русского императора (по жару - та же багдатура, но с отчетливым антисемитским душком) выходит "Детубийца" про первого императора, выпавшая недавним эмигрантом Ф.Политическим. Парии из "Памяти", заплясавшие партер на "Киезе Серебряном" (все та же мизансцена, с коллоквиальными, неопознанными и прочими атрибутами русофильства), исчезают на "Мещанине во дворянстве", поставленном группой из Израйля по сценариевуду (чем он лучше старого, впрочем, как и может открыться). В последнем спектакле есть уже явное заимство-

вание у арены: в сцене обеда высыпают целые тучи рабы из цирка на катушки - жонглируют тараканами, бродят на ходулях и т.д. Впрочем, прямой захват чужой территории театр не спасает - зрелище все же остается вымученным и унылым. Второй университет, как когда-то его титуловали. Малый быть уже не жаждет. Ибавляясь от собственных режиссеров и призывая иностранных, руководство ставит во главу угла возможность выезда за кордон - не обязательно коллектива, можно и отдельных начинающих актеров. Помогает анти-традиция актерского театра - баланс между вершиной второй заслуженно любимых артистов и незатейливостью постановки пока сохраняется.

Более рискованно, более впечатляющий эквилибр (продажа билетов на катушки) - вагнеровской пробы. Поскольку во главе театра стоит глава Союза театральных деятелей России, то страховочные ленточки обеспечены: тут можно приглашать любых режиссеров, представлять изощренным кляузой и т.п. Сейчас в центре четверо новобранцев, каждый из которых мог бы возглавить собственный коллектив (Р.Виктор и с.с.с.с.). Баланс соблюдается за счет разности режиссерских темпераментов - припад на разные спектры: словно полагаясь, что страховочной удаче 1922 г. последней работе неадекват Вахтангова. Костюмы и декорации - давние, но модернизированные. Музыка - та же, но с включением эстрадных мелодий современности. Баланс соблюдается во всем, кроме - смысла.

Вагнеров когда-то бросал улыбки: балные платья и актрис, и актеров резко контрастировали с одеждой зрителей, заплясавшего театральные залы. Художники протестовали против наступающего хама, издевались над нумеризацией. Сегодня новые козевые жизни ярко проявили себя и на митингах, и на парламентских собраниях, но более всего - в былевой жизни. Кинуть им перватку самое время, но тогда нарушится столь любимое вагнеровцами равновесие, что поставило бы их на слишком опасную грань. Почему от дерзости отказались, с самого и до самого конца увеселяя потешившую публику. Никаких жалких, никаких страстей, строк - анти-актерские шутки, не слишком остроумные впрочем.

I. ИЛЛЮЗИЯ

Едва ли не самый распространенный вид, к которому прибегают все чаще и чаще наиболее прославленные (в прошлом) академические труппы. Порой они склонны к пристрастиям: чему, как не локотью рук - властителям, или жестким образам существование двух МХАТов? Один остался с именем Горького, другой приобрел недавно фамилию Чехова - ни тот, ни другой игрок не имеют ровню никакого отношения к этим заведениям (как, впрочем, и исторический МХТ). Прелесть деления, возможно, еще не закончен, драматургов, оставшихся след в истории когда-то единого театра, предостаточно - если подалее, можно вспомнить Булгакова, если поближе - Гельмана, Рождина, Шатрова...

При всей разности двух существующих МХАТов (о политических пристрастиях: чеховцы тяготеют к демократам, горьковцы предпочитают русофилов - до пола руководителя, отчего в театральном народе так и именуются: мужской и женский) в творческой жизни они равно склонны к иллюзиям. Каясь в верности заветам основателей и школе психологического реализма, они демонстрируют такие же примеры, которые заставляют радоваться от всей ду-

ши... тому, что основоположники не увидят осмысления из именных творений.

МХАТ (м) - в Камергерском - генеральной линией печатал разоблачение тоталитаризма. С завидным постоянством появляются на афише спектакли то о лагерях ("Один из палачиков"), то о возвращении из оных ("Московский хор"), то о предательстве к ним же ("Сутерфрод") - одна из последних премьер. Задача сама по себе благородна и актуальна, хотя и отдают запоздалой сдасностью, но главное ведь - как раскрывается тема. А здесь упорно используется все те же приемы: в "Олене...", например, явношество осуждения гари всех положительных пьес. И суть не в том, что, при всем почтении к таланту и гражданскому мужеству, трудно признать в нем выдающегося драматурга. И не в том, что пьеса Солженицына давно устарела. О.Ефремов брал ее в работу, он не мог не заметить общеполитический канон, по которым та выстроена. Решить наибольшую омонимую драматическую проблему, что еще крошечнее - значит демонстрировать общественную слепоту и эстетическую глухоту. В спектакле заята в основном молодежь, которая не может привести свой личный, выстраданный опыт, а постановщик не в состоянии пережить свой.

Но в "Московском хоре" играют основные роли актеры старшего поколения - и нота памяти пронзительна да и пьеса А.Пегрушевской намного лучше. Вроде бы, уже никакны претензий для полнокровного спектакля, но в зрительном зале вновь водарается нежеланная скука, которая лишь отчасти умеряется блестящими актерскими работами. Вальс происходившего на сцене - следствие не только отдельных прощупов (так, выискивая название хор жонглирует с указкой, примамываясь - безформенной массовой в ковбойских и плащатных коцх 30-х), но в абсолютной безразличности режиссуры. Раздумья драматурга о конце эпохи, о взаимосвязи жертвенности и доносительства, когда вчерашний зек со страстью строчит доноси ("ве тех берут" - по свидетельству мемуаристов, один из распространеннейших мотивов среди арестованных в 30-е гг.), о забвении полные возвращении к демократии все это никак не отражено в режиссерском рисунке. Но актеры не всеслики, есть граница, за которую они шагнуть не в состоянии: общий ритм, атмосфера, рисунков мизансцен и еще сотни других инструментов - в руках постановщика не используются. Уверждать, прорывает актера, не используя для его укрепления мощи режиссуры, - иллюзия, которая жестоко мстит за себя.

Вот и в последней премьере - пьеса В.Розова, обработке романа "Мнимые влиятель" В.Нарокова - то же стремление к



МХАТ им. А.П.Чехова - сцена из спектакля "Московский хор". Фото Вяч.Помогалова.



Театр им. Е.Вахтангова - сцена из спектакля "Принцесса Турандот". Фото М.Чернова.



АРТЕЛЬ АРТИстов п/р Сергея Юрского - сцена из спектакля "Игроки-XXI". Фото Г.Несмачного.